

МОТИВ «РУССКОЙ ТОСКИ» В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЕВА

(MOTIV «RUSSKOJ TOSKI» V PESENNOJ POËZII ALEKSANDRA BAŠLAČEVA)

NATALIA KRÓLIKIEWICZ

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

ORCID: 0000-0002-3083-8774

Abstrakt: Celem niniejszego artykułu jest zbadanie motywu «rosyjskiej tęsknoty» w poezji śpiewanej Aleksandra Baszłaczo. Przeprowadzona analiza wybranych tekstów poety pozwala zauważyć, że motyw tęsknoty w utworach Baszłaczo z jednej strony wiąże się z fizycznym i metafizycznym niezadowoleniem, a z drugiej strony może być sprzężony z istotnymi komponentami tożsamości narodowej (rosyjski charakter i natura). Tęsknota, będąc często nieuniknionym (czasem nie wyrażonym wprost) składnikiem emocjonalnego nastroju podmiotu lirycznego, posiada swoistą ambiwalencję. Polega ona między innymi na tym, iż nie zważając na negatywne konotacje, tęsknota może przyczynić się do uświadomienia sobie skończoności każdej drogi, tym samym budząc duszę.

Abstract: The purpose of this article is to examine the motif of “Russian longing” in the sung poetry of Alexander Bashlyakov. The analysis of selected texts of the poet allows us to note that the motif of longing in Bashlyakov’s works, on the one hand, is associated with physical and metaphysical dissatisfaction, and on the other hand, can be coupled with important components of national identity (Russian character and nature). Longing, being often an unavoidable (sometimes not explicitly expressed) component of the emotional mood of the lyrical subject. Has a peculiar ambivalence. Among other things, it consists in the fact that, disregarding the negative connotations, longing can contribute to the realization of the finiteness of any path, thus awakening the soul.

Słowa kluczowe: Aleksandr Baszłaczo, poezja śpiewana, motyw tęsknoty, komponent tożsamości narodowej

Key words: Aleksandr Bashchelov, sung poetry, motif of longing, component of national identity

Александр Николаевич Башлачев – значительная фигура в истории русской культуры XX века. Поющий поэт, рок-автор, сумевший выразить суть и смысл рок-н-ролла в России и связать «русскую поэзию с больным нервом рок-музыки» (Н. Рахлина, 1998). СашБаш (так называли барда друзья и поклонники), будучи ярким представителем советского андерграунда, стал трагическим символом *поколения дворников и сторожей*¹. Являясь частью поколения рокеров-восьмидесятников, Башлачев, по мнению исследователя Артема Маковецкого (2008: 22), способствовал превращению «славного язычества» (русского рока) в настоящее искусство:

Башлачев [...] сделал русский рок философией, научил внимательно относиться к песенному слову. Показал бренность мелких сиюминутных тем дня сегодняшнего, на которые жалко тратить слова и струны. Заразил насквозь городской песенный стиль деревенскими смыслом и напевностью (Маковецкий, 2008: 22).

Относительно небольшой объем творческого наследия СашБаша², цельность и многослойность его поэзии, а также трагический уход из жизни (в возрасте 27 лет Александр выбросился из окна ленинградской многоэтажки) оказались достаточными, чтобы Башлачев был признан лидером русского рока. Его сравнивали с Сергеем Есениным и Владимиром Высоцким, под влиянием которого написаны ранние песни молодого рок-барда. Однако некое равнодушие Башлачева к официальному успеху (нежелание записываться на фирме «Мелодия», отказ сниматься в кино, невозможность или неготовность создания своей группы, постоянное несогласие заменить акустическую гитару на электрическую) стало причиной того, что для широкой аудитории СашБаш остался малоизвестен (и не востребован). Став в 1984 году членом ленинградского рок-клуба, общаясь с известными рок-исполнителями (Борисом Гребенщиковым, Виктором Цоем, Константином Кинчевым и др.), Александр никогда не был и не желал становиться профессиональным музыкантом, предпочитая оставаться странствующим поэтом, трубадуром, трудно вписывающимся в какие-либо каноны и рамки. Следует добавить, что и в своем родном городе Череповце, где учился и вырос, и в обеих столицах (где выступал на неофициальных квартирниках или в малых залах), публику которых поразил своим умением обращаться со словом, Башлачев фактически оставался всю свою недолгую жизнь одиноким чужаком, до конца так никем и не понятым.

¹ Одноименная песня Бориса Гребенщикова (солист группы Аквариум) описывает горбачевскую перестройку и закон о тунеядстве, который преследовался по закону. В связи с этим многие поэты и музыканты выбирают для себя необременительные профессии, оставляющие время для занятий творческой деятельностью и решающие вопрос о трудоустройстве.

² За всю свою жизнь (1960 – 1988) Александр Башлачев написал около шестидесяти песен. Оставил после себя чуть более сотни стихотворений, причём свои самые известные произведения создал в течение двух лет. При жизни поэта было опубликовано лишь одно стихотворение. Официально стихи и песни Башлачева начали публиковать только после его смерти.

Визитной карточкой Башлачева считается композиция *Время колокольчиков*, ставшая не только некой метафорой всего русского рока восьмидесятых годов (возможно и всей рок-поэзии), но и предопределившая судьбу самого Александра³. Так, с одной стороны, напористость и истинность, а с другой стороны, музыкально-поэтическое своеобразие *Времени колокольчиков* позволило стать песне гимном рок-движения, а также оказаться значительным моментом в поэзии Башлачева. Как замечает музыкальный критик Александр Морсин:

появление песни «Время колокольчиков» — ошеломительный прорыв на неизведанную для советских авторов территорию древнерусской тоски. Сам прием был не нов: народные мотивы встречались как на эстраде, так и у первых гитарных ВИА. Однако в отличие от Людмилы Зыкиной и «Скоморохов» Башлачев вытаскивал наружу не сконструированный и насквозь фальшивый фольклор ряженных, а давно погребенные пласты славянской культуры. В них не было ни слова о плодородной земле-матушке, слез умиления или страшилок из темного леса — только ужас в глазах, звериный оскал и «звон сердца под рубашкою» (Морсин, 2020).

Цель данной работы состоит в исследовании мотива «русской тоски» в песенной поэзии Башлачева. В связи с поставленной целью важными представляются следующие задачи: проанализировать смысловую насыщенность указанного мотива («русской тоски»), воплощенного в поэзии автора, и проследить связь индивидуального видения тоски поэтом и традиционного понимания «русской тоски», обнаруживая при этом многогранность оригинальной поэтической системы, которая была создана Александром Башлачевым.

В нашем понимании творчество Башлачева соотносится как с авторской песней (по формальным, «музыкальным» и «исполнительским» признакам), так и с рок-поэзией (исходя из генезиса его наследия), поэтому в данной статье нами был избран более широкий термин «песенной поэзии». Оговорим, что учитывая рамки статьи, нас будет интересовать только вербальная составляющая синтетического текста, каким представляется песенная поэзия, подразумевающая наличие музыкального и перформативного компонентов.

Теоретической основой для данной статьи послужили общетеоретические труды Н.А. Бердяева, В.А. Ильина, Д.С. Лихачева, М. Хайдеггера, М.Н. Эпштейна и других ученых, занимавшихся исследованием «русской

³ Имеется в виду исполнение именно этой песни при знаменательной встрече СашБаша с музыкальным критиком Артемием Троицким, по приглашению которого поэт переезжает в Москву и позже в Ленинград. Кроме того, на концертах перед знакомыми и случайными людьми Башлачев почти всегда выступал с браслетом из колокольчиков на руке и тремя колокольчиками на груди. Это вносило особый колорит в исполнение, обогащая тем самым текст дополнительными смысловыми оттенками.

тоски», а также работы, непосредственно посвященные изучению рок-поэзии и творчеству Александра Башлачева в частности. В настоящем исследовании используются структурно-семиотический, интерпретационный и сравнительный методы, обусловленные содержанием анализируемого материала и поставленной целью и задачами.

Рок-поэзия достаточно активно изучается современными филологами, причем в разных аспектах. Предметом научных исследований становятся идейные и содержательные аспекты рок-текстов (И.А. Буйнов, Т.С. Кожевникова), осмысление места рок-поэзии в современном литературном процессе (Н.М. Матвеева, С.А. Петрова, З.Г. Харитоновна), изучение языковой картины мира русской рок-поэзии (И.А. Авдеенко, В.А. Спицына, С.В. Стеванович, Е.Н. Чуева) и другие не менее важные вопросы.

Что касается изучения творческого наследия Башлачева, то необходимо отметить таких исследователей как Ю.В. Доманский, С.В. Свиридов, Т.Ш. Нугманова, Т.Е. Логачева, С.С. Шаулов и др. Ученых интересуют особенности поэтической системы Башлачева, его мифопоэтика, принципы создания произведений, их философская направленность, своеобразие индивидуального художественного мира, созданного рок-бардом. В развитии творчества Башлачева ученые отмечают наличие «профанного» мифа, характеризующего раннюю поэзию поэта, и «сакрального» мифа, к чему тяготеют его зрелые произведения. Филологи также указывают на стремления автора *Времени колокольчиков* найти новое слово, которое могло бы стать единым «протокорнем» для всех слов («сверхслово», сакральное слово). В теоретических работах исследователей отмечаются виртуозные поэтические эксперименты Башлачева с языковым материалом, подчеркивается трагизм и эсхатологизм его поэзии, анализируется характерный для его поэтики конфликт своего и «чужого» слова, изучаются способы самовыражения лирического героя (через башлачевское «мы») и другие вопросы.

Прежде чем перейти к анализу поэтических произведений, целесообразно кратко напомнить об этимологии слова «тоска». В словаре В. Даля, например, тоска (теснить) определяется как «стеснение духа, томление души, мучительная грусть, душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь» (Даль, 1994: 810). С другой стороны, глагол «тосковать» с основой *tusk-sk* база *teus* – «опорожнять», «делать пустым», «осушать», сходен по своему значению с такими словами, как «тощий», «тщета», «тщательный» (Черных, 1999: 560), то есть с пустотой, незаполненностью. Тогда, если «тощий» обозначает пустоту физическую, то «тоска» – пустоту душевную. Переживание тоски может истощать человека, открывая перед ним бесполезность, пустоту, тщетность жизни. «Тоска иссушает человека, выжигает его изнутри... Тот, кто тоскует, начинает сохнуть, худеть и в конце концов умирает» (Байбурин, 2001: 99).

Являясь органичной частью человеческого существования тема тоски (наряду с одиночеством, смертью) более полное отражение находит

в экзистенциальной философии XX века. Тоска как причина человеческих мук и страданий, по словам философа Мартина Хайдеггера, не имеет рационального объяснения:

глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман, смещает все вещи, людей и тебя самого вместе с ними в одну массу какого-то странного безразличия. Этой тоской приоткрывается сущее в целом (Хайдеггер, 1993: 20).

Метафизика «тоски» анализируется и русским философом Николаем Александровичем Бердяевым, который в своих размышлениях связывает тоску со временем и временной природой человека:

Тоска, в сущности, всегда есть тоска по вечности, невозможность примириться со временем. В обращенности к будущему есть не только надежда, но и тоска. Будущее всегда, в конце концов, приносит смерть, и это не может не вызывать тоски (Бердяев, 1990: 60).

Человеческое существование и неизбежность смерти вызывает чувство тоски и безнадежности. Однако ограниченность во времени придает осмысленность экзистенции, напоминая нам о смысле существования, открывая тем самым бытие. Таким образом, тоска может представляться «великим разрушителем, но в ней таится великая созидательная сила» (Хамитов, 2002: 176). Именно эта временность и позволяет приоткрыться смыслу, заставляя человека более осознанно проживать отпущенный ему земной срок, решаясь на подлинность существования. Тоска, будучи направленной к высшему миру, сопровождается равнодушием ко всему окружающему и чувством ничтожества этого мира. Глубинное содержание тоски для Бердяева имеет религиозно-метафизическую природу. Как замечает философ:

Тоска обращена к трансцендентному, вместе с тем она означает неслиянность с трансцендентным, бездну между мной и трансцендентным. <...> Это есть до последней остроты доведенный конфликт между моей жизнью в этом мире и трансцендентным (Бердяев, 1990: 53).

Выходом из состояния тоски, по словам упомянутого выше русского мыслителя, может быть творчество, устремляющееся за пределы обыденности к трансцендентному (Бердяев, 1990: 59).

Бердяева интересовала не только тоска как таковая, но и ее национальные аспекты. В своем сочинении *О новом русском идеализме* он пишет:

Русская тоска по смыслу жизни, – вот основной мотив нашей литературы и вот что составляет сокровенную сущность нашей души, мятущейся и скитающейся, тревожно работающей над проклятыми вопросами, которые сделались для нее вопросами собственной индивидуальной судьбы (Бердяев, 1907: 180).

Названный русский мыслитель замечает присутствие бесконечной тоски в русском характере и природе. Беспредельность русских просторов и созвучная им грустная (мутно-серая, равнинная) красота русской природы воплотились не только в специфике народной поэзии, музыки, живописи, но в особенностях национального характера. По словам Бердяева, «огромные русские пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – география русской души» (Бердяев, 2004: 280). Особенность русской тоски, ее связь с неограниченным пространством, отмечал литературовед Д.С. Лихачев. По его словам, «широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках» (Лихачев, 1983: 51). На национальный аспект тоски указывал и русский богослов Вл. Ильин:

Есть в русской природе и в русском характере совсем особое свойство, нигде более не встречающееся. Свойство это – безбрежная и бесконечная тоска. В значительной степени она объясняется общей тяжестью русского исторического рока, своеобразно отражающегося и преломляющегося в жизни отдельных лиц. Но все же этим она не исчерпывается. Унылая беспредельность русских просторов и своеобразная грустная красота русской природы даже тогда, когда она нарядна и пестра, – нашли свое воплощение в особенностях народной поэзии (фольклора) и музыки (Ильин, 1997: 79).

Открытый и утомляющий своим однообразием российский простор (как ничем не заполненное (пустое) пространство) может вызывать у человека чувство тоски и безысходности. Поэтому справедливым кажется замечание филолога М. Н. Эпштейна:

состояние человеческой души, вызванное этим глухим по звуку, мутным по цвету и ровным по форме бытием природы, тоже как бы приглушенное, лишенное внутренних контрастов, порывов – ровная, медлительная скука, хандра, столь же долгая, однообразная, как зимняя дорога... (Эпштейн, 1990: 160).

Избыток простора часто приводит к тому, что человек ищет выхода для своей энергии в таких крайних реакциях, как загул и запой (что также часто относится к национальным составляющим). В загул и запой «уходят», то есть это воспринимается как некий вид эскапизма (с песнями, плясками, а нередко и мордобитием). Склонность к крайним реакциям, отсутствию границ, может обосновывать переход бурного веселья в безудержную тоску, в желание убежать.

Своеобразие русского мышления и менталитета являлось предметом исследования и для польского лингвиста Анны Вежбицкой. Анализируя лексику как чувствительный показатель культуры народа, ученый выделила три фундаментальных концепта для русской культуры: «судьба», «душа» и «тоска», что, в свою очередь, позволило исследователю назвать такие

черты русского национального характера, как «эмоциональность», «иррациональность», «неагентивность» (внешняя пассивность), «любовь к морали» (Вежбицкая, 2001: 36).

Таким образом, тоска может быть истолкована как физический или метафизический термин, но может трактоваться и как сложное, национально выраженное явление, созвучное с русской душой, природой, пространством и судьбой.

В рамках данной статьи мы попытаемся проанализировать мотив «русской тоски» в избранных произведениях Башлачева, поэтическое наследие которого представляет собой многослойную самобытную структуру, уходящую корнями в языческую культуру Древней Руси. Тексты этого автора или, по мнению критиков, «песни-исповеди, песни-рассказы, песни-откровения» (Троицкий, 2021), отличающиеся своей литературностью, трудно вписываются в рамки определенного жанра или стиля. Поэзия Башлачева «есть бесконечное сочетание рок-н-ролла с русской частушкой, язычества с христианством, идеализма с прозой жизни, и наконец – образа с символом» (Бухарская, 2016). Действительно, преодоление поэтических, музыкальных, пространственно-временных, географических границ характерно для поэзии СашБаша.

Если обратимся к поэтическому наследию Башлачева, то следует отметить, что мотив тоски может проявляться непосредственно как характерный компонент, раскрывающий душевное состояние лирического героя. Например, одолеваемый тоской, главный герой думает о смерти: «Да я не плачу, Сашенька, не грущу//Да тоску занозу не вытащу//А мне от тоски хоть рядись в петлю» (Башлачев, *Песенка на лесенке*)⁴. Тоска олицетворяется, превращаясь в необычную одежду, или в «занозу, которую не вытащишь», семантически плотно сливаясь с грустью: «Вяжет грудь веревкою грусть-тоска. А ты люби хорошего мужика!» (Башлачев, *Песенка на лесенке*). Однако, если углубиться в текст, то можно проследить как ощущение физической и метафизической неудовлетворенности («грусть-тоска») помогает лирическому герою (выраженному через башлачевское «мы») осознать временность человеческого бытия («хоть смерть меня смерть») и наполнить его смыслом. Тоска возносит главного героя над миром обыденности, становится попыткой прислушаться к миру, к звукам, пробудиться. В стихотворении это выражено тем, что герои поют («песня в песне»), их пение – аналог магической речи, коммуникации с высшим миром: «Мы редко поем, но когда мы поем, поднимается ветер» (Башлачев, *Когда мы вдвоем ...*).

Мотив тоски, правда не всегда выраженный прямо, составляет настроение лирического субъекта в стихотворении *Осень*. Лето прошло, приходит осень,

⁴ Данное стихотворение и все остальные в тексте приводятся по следующему источнику: <https://www.culture.ru/literature/poems/author-aleksandr-bashlachev>. В скобках указывается название стихотворения.

душу героя гнетет тоска, мрачные мысли, в которых отражается непрочность жизни, и, возможно, слышится предсказание скорой смерти (Башлачев умирает зимой и зима в творчестве поэта становится символом смерти):

Кони мечтают о быстрых санях – надоела телега.
 Поле – о чистых, простых простынях снега.
 Кто смажет нам раны и перебинтует нас?
 Кто нам наложит швы?
 Я знаю – зима в роли моей вдовы»
 (Башлачев, *Осень*).

Тоска как таковая не всегда эксплицирована в произведениях поэта, но эмоциональное состояние одиночества, сопутствующее тоске, можно «прочитать» во многих стихотворениях. Приведем несколько примеров. Так, вечная проблема одиночества человеческой души представлена в стихотворении *Хозяйка*: «Ведь человеку трудно одному, когда враги сожгли родную хату» (Башлачев). Она – женщина – глава в доме, владеющая и распоряжающаяся сама своим хозяйством, прощает мужчину (после его признания, что посетил молодую вдову только по зову плоти), оказавшегося возможно более одиноким, чем сама хозяйка. И в стихотворении *Все от винта* ощущение тоски лирического героя усиливается признаком его духовного одиночества, сиротства в мире, населенном «выродками крыс» и «пасынками птиц»: «Не плачь, не жалея. Кого нам жалеть? Ведь ты, как и я, сирота» (Башлачев, *Все от винта*).

Нередко тоска лирического героя Башлачева воплощается в традиционном образе слез, плача (изливание тоски как изливание души):

Ты только поверь,
 Если нам тяжело – не могло быть иначе,
 Тогда почему, почему кто-то плачет?
 Оставь воду цветам. Возьми мои глаза
 (Башлачев, *Когда мы вдвоем*)

Плачет не только человек в исповедальных песнях автора, но «плачут» и облака (Башлачев, *Как ветра осенние*), и черный дрозд (Башлачев, *Вечный пост*), «водку и слезы скорбно глотает маленький черт» (Башлачев, *Новый год*). Тогда переживания и чувства лирического героя могут отражать философию и восприятие мира самого автора.

Мрачная, убогая жизнь созвучна ощущению некой безысходности (внешней и внутренней):

Здесь тупиком кончается дорога.
 Любого цвета флаг повесьте на сарай –
 В нем все равно и пыльно, и убого.

Здесь скучно ... Самого занюханного бога
 Не привлечет наш неказистый край
 (Башлачев, *Здесь тупиком кончается дорога*).

Неказистость, убогость забытого богом уголка, относящаяся к характерным особенностям русской природы, и порождает то состояние человеческой души, приглушенную тоску и скуку, столь характерную для русского человека.

Тоска прослеживается в антропоморфных образах дворцов и мостов Петербурга, хотя в данном тексте указанный мотив направлен скорее на «дегероизацию» города на Неве: «Ты сводишь мост зубов под мягкой штукатуркой, Но купол лба трещит от гробовой тоски» (Башлачев, *Петербургская свадьба*). Дополнительно следует заметить, что художественное осмысление поэтом Петербурга (и восприятие самого города как действующего персонажа) может вызвать блоковские реминисценции (как одного из мастеров «петербургской» историософии). Так, пространство Северной Венеции «заштопано» у Башлачева «тугой суровой красной ниткой». Мотив кровавого (красного) цвета как характеристики города присутствует и в лирике Александра Блока⁵. Тогда, образ ветра у рок-поэта («Искали ветер Невского да в Елисейском поле») может перекликаться с «вьюгой, пургой, метелью новой» из блоковской поэмы *Двенадцать*. Образу Петербурга в тексте Башлачева (и Блока) присуща традиционная инфернальная окраска, а власть демонических сил над человеком символизирует «решетка страшных снов»: «Гроза, салют, и мы — и мы летим над Петербургом, // В решетку страшных снов врезая шпиль строки» (Башлачев, *Петербургская свадьба*). Несвобода, сопряженная с тоской, присутствует в петербургском пространстве не только в физическом, но и в духовном плане. Однако лирический герой Башлачева, заглядывая в пространство метаистории, спасается творчеством («в решетку страшных снов врезает шпиль строки»). Петербургский шпиль, приобретая символическое значение, способствует выходу из профанического пространства в сакральное.

Скука, наряду с мотивом тоски, появляется как один из «камертонов» башлачевского поэтического мира. Бренность человеческого бытия, скука будничной атмосферы жизни, повторяемость жизненных явлений — все эти оттенки вбирает в себя тоска и подразумевается Башлачевым во многих его стихотворениях: «Скажи, дружок, что было просто скучно / А можно проще — было, как всегда» (Башлачев, *Светилась лампочка. И капала вода ...*); «Ему точно так же бывает и грустно, и скучно. / Бывает порою, что некому руку подать» (Башлачев, *Галактическая комедия*). Небезынтересным будет замечание о том, что скучная драма жизни, представленная в произведениях

⁵ Имеются ввиду стихотворения А. Блока «Город в красные пределы», «В кабаках, в переулках, извивах»

автора, отсылает не только к лермонтовским персонажам, но и в очередной раз к лирическим героям Блока:

Его пример – другим наука.
Век при дворе. И сам немного царь.
Так черт возьми, всегда к твоим услугам
Аптека, улица, фонарь»
(Башлачев, *Не позволяй душе лениться*).

Как вышеприведенная цитата («Аптека, улица, фонарь»⁶), так и строчка «В огне тревог и дни ненастья»⁷, подтверждают общность смысла, вложенного и Блоком, и Башлачевым. Это повторяемость жизненных явлений, безысходная «скука человеческого существования», что не может не вызывать чувства тоски.

И даже в стихотворении, в котором можно увидеть рефлексию на злобу дня: «По радио поют, что нет причины для тоски, и в этом ее главная причина» (Башлачев, *Подвиг разведчика*), в ироничном переосмыслении строчек известной советской песни⁸ можно обнаружить скрытый подтекст. За внешне социально-сатирической проблематикой (жизнь сумасшедших обитателей коммуналки, которая проходит у телевизора) можно заметить, что конструирование жизни в тоталитарном государстве у Башлачева представлено своеобразно. Искусственная, бездуховная жизнь – это безмолвное существование, но лирический герой, изменяя ракурс и понимая тем самым неполноценность мира, в котором он жил, пробует прислушаться и услышать другие звуки (пробуждается). Чаще всего чистым и живым звуком в поэтическом мире Башлачева будет звон («колокольный звон»), но в данном произведении это пока звенящие детские коньки, перебиваемые банальным клише известной песни (Столбов, 2008). Таким образом, автор как бы заставляет своего персонажа пройти тот путь, который знаком самому поэту, от пустой жизни, игры к осознанию своего «я», к действию, к творчеству⁹.

Обесмысливание жизни, чувство социальной и онтологической потерянности прослеживается и в стихотворении под названием *Лихо*, аллегорический образ которого возведен у Башлачева в ряд имен собственных. Сам

⁶ Имеется в виду стихотворение А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека»

⁷ Имеется в виду стихотворение А. Блока «В огне и холоде тревог».

⁸ Имеется в виду строчка из припева известной советской песни *Если сердцем молод* в исполнении ВИА *Самоцветы*.

⁹ Однако сам сюжет стихотворения, его политическая злободневность, пародирование советской пропаганды и моделирование восприятия действительности со стороны власти вызвали параллели с современной ситуацией в России (имеется в виду военное вторжение России в Украину), что, к сожалению, пугает. Россияне, черпающие информацию посредством телевидения/компьютера в современной «коммуналке» (России), стали эластичными зомби, подвергаемые постоянному обучению ненависти (с начала войны на Донбассе в 2014 г.) российской пропагандой.

образ Лиха как персонификация судьбы в тексте связан с тоской, горем, болью, страданием, осознанием трагедии человеческой жизни: «Мы тоске зеленой – племяши родные» (Башлачев, *Лихо*). Злой демонический дух, предстающий в образе Лиха, преследует и терзает человека на протяжении всей его жизни. Но, возможно, такие бесовски агрессивные существа служат у Башлачева инструментом ритуального осквернения, которое в итоге должно преобразить героя, что, в свою очередь, позволяет видеть надежду на лучший исход (как, например, «капля крови», которая спасает душу в поэме *Ванюша*). Поэтому справедливым кажутся замечания филолога Фроловой: «Песни Башлачева обладают парадоксальным свойством: неся неизменное ощущение гибельности, каждая из них отмечена печатью высокой умиротворенности. Они словно освещены изнутри – надеждой на возрождение» (Фролова, 1992: 259).

Но завтра — утро. Все сначала...
 Заплетать на тонких пальцах недотрогу-нить
 Чтоб кому-то, кому-то полегчало,
 Да разреши, пожалуй, я сумел бы все на пальцах объяснить
 (Башлачев, *Сядем рядом*)

Мотив тоски в поэзии Башлачева может трактоваться как характерный компонент национального бытия. Для этого более подробно остановимся на стихотворении *Некому березу заломати*, в котором ярко зарисован образ России и акцентированы существенные для русского ментального мира понятия «душа», «судьба». Уже само название *Некому березу заломати* отсылает читателя к русской народной песне¹⁰, а воспетый образ березы к самой России. Пространственно-временные координаты легко узнаваемы в стихотворении: «широты наши смурные», «кругом – бездорожья траншеи», «седая лесная страна», «кадушка капусты, ватрушка без теста, медовая брага – ягодка-злодейка-отрава» (Башлачев, *Некому березу заломати*). Все пронизано мотивом тоски и отчаяния. Нельзя не заметить, что в художественном мире этого текста (и шире во всем поэтическом мире Башлачева) русская земля охвачена болезнью: «земля больна, оскверненная болячками запущенных городов и деревень. А облака, эти мифические вместилища человеческих мыслей, сотканы из тоски...» (Фролова, 1992: 256). Действительно, тоска в стихотворении сопряжена с мотивами болезни, несвободы, смерти:

Лишь печаль-тоска облаками
 над седой лесной страной.
 Города цветут синяками.
 Да деревни – сыпью чумною
 (Башлачев, *Некому березу заломати*)

¹⁰ Во поле береза стояла – русская народная (хороводная) песня.

В вышеприведенных строках тоска, с одной стороны, определяется как постоянная характеристика национального бытия, а, с другой стороны, тоску можно рассматривать как компонент настроения лирического субъекта. Можно предположить, что атмосфера сырости («широты наши смурные»), болезни («сыпью чумною») и гниения («вязкие и гнилые болота»), которыми пропитана русская земля («бездорожья траншеи», «города да деревни») в художественном тексте может вызывать схожее настроение (тоски и безысходности) у главного героя, увязшего во «всепогодной грязи» (Башлачев, *Лихо*). Таким образом, проблема ценностей в текстах Башлачева (особенно принадлежащих к поздней поэзии) выявляется с помощью чистоты воды и шкалы ее глубины. Мутная, ржавая, соленая вода представляет собой бессакральный, профанный мир, в котором живет лирический герой и его поколение. Там нет глубины: «хороша студена водица, / Да глубокий омут таится», поэтому «рановато, парни, купаться!» (Башлачев, *Некому березу заломати*). Возможно поэтому, время предстает в произведении как неподвижное, как плутание, извилистый путь по кругу: «Вот тебе обратно тропинка / И петляй в родную землянку». И течет оно (время) в произведении по своим законам, соединяя разные исторические эпохи русского народа, выявляя при этом его противоречащие черты (злая дурь и сила сердечная):

Если забредет кто нездешний –
Поразится живности бедной,
Нашей редкой силе сердешной
Да дури нашей злой – заповедной»
(Башлачев, *Некому березу заломати*).

Склонность к крайностям: «Если плач – не жалели соли мы. / Если пир – сахарного пряника» (Башлачев, *Время колокольчиков*), экзистенциальная двойственность русского художественно осмысливается в произведениях Башлачева:

Коротки причастия на Руси.
Не суди Ты нас! На Руси любовь
Испокон сродни всякой ереси
Испокон сродни черной ереси
(Башлачев, *Вечный пост*).

Концентрация боли («стопудовый камень на шее»), тесноты мрачной землянки, убогости и нищеты жизни («Вот и посмеемся простуженно, а об чем смеяться – не важно / Если по утрам очень скучно, а по вечерам очень страшно») ощущается почти физически. Однако, несмотря на отображенные в текстах отчаяние и распад России, таинственная и родная русская душа близка и дорога лирическому герою Башлачева. И в стихотворении *Некому березу заломати*, и во многих других произведениях прочитывается

надежда на духовное возрождение многострадальной Родины лирического субъекта.

Такой исход возможен, если следовать формуле любви, заключенной в философии поэта и выраженной стихотворением *Тесто*: «нет тех, кто не стоит любви». Для Башлачева любовь и боль это одно и то же: «объясни – я люблю оттого, что болит, или это болит оттого, что люблю» (Башлачев, *Посошок*). Любовь к России, к людям, живущим в ней, интерес к корням русской культуры, раскрывающим загадочную русскую душу, наиболее полно, на наш взгляд, изображены в эпической поэме *Ванюша* (Башлачев).

В названном произведении, заключающем в себе свою философию, Башлачев возвращается к исконно русским жанрам: частушке, русской народной песне, былине. Ключевой образ этого текста – Ванюша – как раз и является символом России. Это обобщенный образ русского человека, Иванушка-дурачок из русских сказок, вокруг которого концентрируются вечные символы русского быта – печка, окрошка, гармошка, рубаха и др. Характерная башлачевская временная универсальность позволяет в тексте соединить древнюю православную Русь с беспокойным сегодняшним временем, переходя от сказочного русского Ивана к веселому Ваньке из частушек, возвращаясь к финалу к Ванюше. Уже в самом тревожном зачине и окончании, когда «печаль немая» встанет, чувствуется обреченность главного героя:

Как ходил Ванюша бережком вдоль синей речки
 Как водил Ванюша солнышко на золотой уздечке
 Душа гуляла,
 Душа летела,
 Душа гуляла
 В рубашке белой
 Да в чистом поле
 Все прямо прямо
 И колокольчик
 Был выше храма
 Да в чистом поле
 Да с песней звонкой
 (Башлачев, *Ванюша*)

Подытоживая, отметим, что мотив «тоски» в творчестве Башлачева, с одной стороны, может быть связан с метафизической природой тоски, подчеркивая при этом временность человеческого существования и неизбежность смерти. С другой стороны, тоска может трактоваться как одна из составляющих национального бытия (русская душа, характер, природа). В поэзии Башлачева, мотив тоски (не всегда выраженный прямо) раскрывает душевное состояние лирического героя. Наряду с мотивом тоски в поэтическом мире Башлачева появляется грусть, печаль, скука, несвобода, одиночество.

Необходимо добавить, что проанализированный мотив «русской тоски», воплощенный в песенной поэзии Башлачева, обладает своеобразной амбивалентностью. Тоска при выраженной отрицательной оценочности может помочь осознать конечность любого пути, что тем самым может способствовать переходу (через творчество, действие) в сакральное пространство.

Bibliografia

- Bajburin, A. (2001). „Toska i strah v kontekste pohoronnoj obrádnosti (k ritual'no-mifologičeskomu podtekstu odnogo sūžeta)”. *Trudy fakul'teta etnologii*. 1. 99-115. [Байбурин, А. 2001. „Тоска и страх в контексте похоронной обрядности (к ритуально-мифологическому подтексту одного сюжета)”. *Труды факультета этнологии*. 1. 99-115].
- Bašlačev, A. Stihi. <https://www.culture.ru/literature/poems/author-aleksandr-bashlachev> (dostęp: 02.09.2022). [Башлачев, А. Стихи. <https://www.culture.ru/literature/poems/author-aleksandr-bashlachev>].
- Berdáev, N. (1907). O novom russskom idealizme. Opyty filosofskie, social'nye i literaturnye [Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные].
- Berdáev, N. (1990). *Samopoznanie*. Moskva. [Бердяев, Н. 1990. *Самопознание*. Москва].
- Berdáev, N. 2004. *Rusaskaá ideá // N. F. Fedorov: pro et contra*. [Бердяев, Н. 2004. *Русская идея // Н. Ф. Федоров: pro et contra*].
- Buharskaá, M. (2016). *Reminiscencii i obrazy-simvolj v tvorčestve A. Bašlačeva*, http://samlib.ru/b/buharskaja_m/h.shtml (dostęp: 02.02.2022). [Бухарская, М. 2016. *Реминисценции и образы-символы в творчестве А. Башлачева*. http://samlib.ru/b/buharskaja_m/h.shtml].
- Černyh, P. (1999). *Istoriko-étimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo ázyka: v 2-h t*. Том 2. [Черных, П. 1999. *Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 -х т*. Том 2].
- Dal', V. (1994). *Tolkovij slovar' živogo velikoruskogo ázyka: v 4-h t*. Том 4. [Даль, В. 1994. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т*. Том 4].
- Ėpštejn, M. (1990). «Priroda, mir, tajnik vselennoj...»: sistema pejzažnyh obrazov v russskoj poezii. Moskva. [Эпштейн М. 1990. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. Москва].
- Frolova, G. (1992). „V poétičeskom mire Aleksandra Bašlačeva”. *Neva*. 2. – S. 255-261
- Hajdegger, M. (1993). *Vremâ i bytie*. Moskva. [Хайдеггер, М. 1993. *Время и бытие*. Москва].
- Hamitov, N. (2002). *Filosofia čeloveka: ot metafiziki k metaantropologii*, Kiev. [Хамитов, Н. 2002. *Философия человека: от метафизики к метаантропологии*. Киев].
- Il'in V. 1997. *Ėsse o russskoj kul'ture*. Sankt-Peterburg. [Ильин В. 1997. *Эссе о русской культуре*. Санкт-Петербург].
- Lihačev D. (1983). *Zemlá rodnaá*. Moskva. [Лихачев Д. 1983. *Земля родная*. Москва].
- Маковецкий, А. (2008). „Певец ушаночки с тулупчиком”. *Belye noči*. 2008. 7/8. 22-25. [Маковецкий, А. 2008. „Певец ушаночки с тулупчиком”, *Белые ночи*. 2008. 7/8. 22-25].
- Morsin, A. (2020). *Nebo svorotit' ohota do sudorog*. <https://tass.ru/opinions/8575215> (dostęp: 08.05.2021). [Морсин, А. 2020. *Небо своротит охота до судорог*. <https://tass.ru/opinions/8575215>].
- Rahlina, N. (1998). *Biografia A.B. ot N. Rahlinoj*. <http://rok.kulichki.net/groups/bashlachev> (dostęp: 27.06.2022). [Рахлина, Н. 1998. Биография А.Б. от Н. Рахлиной. <http://rok.kulichki.net/groups/bashlachev>].

- Sviridov, S. (1986). *Magiâ âzyka: Poèziâ A. Bašlačeva*. [Свиридов С. 1986. *Магия языка: Поэзия А. Башлачева*].
- Stolbov, V. (2008). *Obraz poëta v tvorčestve A.N. Bašlačeva*. [Столбов В. 2008. *Образ поэта в творчестве А.Н. Башлачева*].
- Troickij, A. (2021). *Rok-muzyka v SSSR: opyt populârnoj ènciklopedii*. <https://coollib.com/b/2-61987-artemiy-kivovich-troitskiy-rok-muzyka-v-sssr-opyt-populyarnoy-entsiklopedii/readp> (dostëp: 10.01.2023)<http://www.fedy-diary.ru/a-troickij-rok-muzyka-v-sssr-opyt-populyarnoj-ehnciklopedii-chast-pervaya/>. [Троицкий, А. 2021. *Рок-музыка в СССР: опыт популярной энциклопедии*. <https://coollib.com/b/261987-artemiy-kivovich-troitskiy-rok-muzyka-v-sssr-opyt-populyarnoy-entsiklopedii/readp>].
- Vežbickaâ, A. (2001). *Ponimanie kul'tur čerez posredstvo ključevyh slov*, Moskva. [Вежбицкая, А. 2001. *Понимание культур через посредство ключевых слов*. Перевод с англ. А. Шмелева. Москва].